

Номер: №4 за 2003 год

ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ДИСКУРС СОЦИОЛОГИИ ИНТЕРНЕТА

Петрова А.А.

Петрова Александра Анатольевна— аспирант сектора социологии знания Института социологии РАН. Адрес: 117218 Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, строение 5. Телефон: (095) 120–82–57. Электронная почта: mss001001@msses.ru

Социология интернета, как любое новое направление социального знания, формируется в "разграничении полномочий" между уже сложившимися научными дисциплинами. Изучение виртуальных коммуникаций связано с вполне традиционной тематической областью: организация знания, конструирование идентичностей, формирование социальных групп и т. д. Но в данном случае вся эта проблематика исследуется с учетом социальных последствий, которые может иметь использование современных информационных технологий. Научная дисциплина как система дискурсивной деятельности включает интернальный и экстернальные аспекты. Первый подразумевает выявление внутридисциплинарных источников нового направления, второй — внеакадемических дискурсов (дискурса контркультуры как неакадемической критики общества модерна, политических дискурсов и т. п.), которые могут препятствовать становлению доминирующего образца исследования и переходу дисциплины в "нормальную" фазу (по Т. Куну).

Социология научного знания практически безоговорочно признает дискурсивный характер научной деятельности [1– 3], и большинство представителей этого направления заняты доказательством искусственности научных "продуктов", аргументативной природы результатов исследований, сконструированности объекта науки в целом [4, 5], что представляется странным и с методологической, и с теоретической точек зрения. Во-первых, в исходной посылке о принципиальной возможности рассматривать науку как дискурс они усматривают связь научных репрезентаций с активностью субъекта исследования — научного сотрудника. Во-вторых, в качестве социального истока науки определяется индивидуалистическая категория интереса, которая предполагает определенную идеологию — представление о расчетливом, сознательном индивиде, способном стратегически мыслить и действовать. Этот образ в политике соответствует либерализму, в науке — принципу методологического индивидуализма, который в полной мере принимается лишь в экономике. Противопоставить методологическому индивидуализму можно объяснение социального социальным, в центре внимания которого оказываются отношения между сложившимися структурами и их продуктами (институтами и текстами), с одной стороны, и инновационными практиками — с другой. Возникновение научной дисциплины, как любой другой инновации, отчасти определяется устоявшимися в науке и обществе иерархиями и принципами. Новое направление подчиняется как логике становления изучаемого предмета, так и логике научного дискурса, что приводит к борьбе за

самоопределение — формированию особого языка.

В многочисленных определениях дискурса выделяются общие черты: (1) семиотическая (или более узко — языковая) природа, (2) организованность (свойственная любой знаковой системе), (3) привязанность к действию или практике / праксису. В замечании Л. Витгенштейна о том, что "критерии истинности описания некоего процесса не являются критериями истинности признания... и важность правдивого признания не сводится к достоверности сообщения о некоем процессе" [6, с. 310], подчеркивается необходимость исследовать не только семантику языка, но и прагматику — аспект связи языкового знака и действия. В англосаксонской поствитгенштейновской философии языка и действия разрабатывалась модель речевого акта как языкового проявления действия [7; 8]. В континентальной традиции анализа дискурса, сформировавшейся под сильным влиянием структуралистского марксизма Л. Альтюссера и философии М. Фуко, проблематизируется бессубъектность истории и отношения господства и подчинения, а в качестве предмета исследования выдвигаются "дискурсивные практики" и "эпистемические структуры", конституирующие "дискурсивные формации".

Один из основателей дискурс-анализа Мишель Пешё выделяет три составляющие дискурсивной формации: "материальный базис", или институты, "внутренний порядок", или интрадискурс, и интердискурс — отношения с другими типами высказываний и дискурсивными формациями [9, р. 100]. Например, политический дискурс не следует рассматривать только как чистую полемику. Анализ дискурса может учитывать контекст республиканских собраний, в которых политические дебаты приводят к реальным последствиям. Институты, в свою очередь, могут анализироваться с точки зрения их роли в социальной иерархии коммуникаций, способности присваивать специфические единицы и устойчивые идеологические значения в качестве средств достижения результатов в особых социально-политических или идеологических взаимодействиях [9, р. 145]. Различение интра- и интердискурса в значительной мере является аналитическим, а не субстантивным: оба аспекта тесно переплетаются в языковых компонентах дискурсивной формации. Однако если интрадискурс — это относительно "мирное сосуществование" знаков, то "между дискурсивными системами существуют... отношения, построенные на силе" [11, с. 537]: именно в интердискурсе представлена гетерологичность знания. Выделение в интердискурсивном аспекте академического дискурса пресуппозиции (*preconstruit*) и идеологически маркированных элементов (например, специфической идеологически окрашенной лексики) связано с определением автономии научной деятельности. Зафиксировав "внешние" элементы, можно проследить, где и как происходит определение и переопределение границ научного исследования.

Топики научной дисциплины

Основная смысловая единица научного дискурса — утверждаемая или опровергаемая пропозиция, или научное высказывание о чем-то. Чтобы пропозиция имела смысл, ей необходим особый контекст, позволяющий проверить то, что она утверждает (или опровергает). Контекст включает несколько компонентов. На макросемантическом уровне это, во-первых, теоретические модели, определяющие отношения высказывания к другим пропозициям и, тем самым, разграничивающие их "сферы действия", и, во-вторых, средства выражения этих моделей, позволяющие их использовать с тем или иным эффектом.

Предполагается, что в основе теоретических моделей лежат базовые когнитивные

операции, которые с помощью конечного набора макроправил позволяют сводить большие последовательности семантических структур "к некоторым иерархически организованным макропозициям", или топикам дисциплины [12, с. 48; 13]. Складывающиеся из этих операций макроструктуры обеспечивают дальнейшее понимание дискурса, событий или действий, и таким образом выполняется "исключительно сложная задача по упорядочиванию огромного количества семантических данных" [12, с. 48]. Т. ван Дейк подчеркивает, что для любого дискурса (как системы коммуникативных действий) важную роль играет "управление" топиками (семантическими макроструктурами) и их сменой. Например, редакторы решают, какие новые топики будут фигурировать в дальнейших выпусках, а преподаватели определяют, какие темы будут затронуты на занятии, и т. п. [14]. Дисциплинарные топики поддерживаются посредством ораторики: они выстраиваются в споре, в столкновении противоречий. В аргументативной семантике Дюкро предлагает подводить под определенные топики даже отдельные высказывания из обыденной речи, диалогов на улице, чтобы реконструировать их аргументативный подтекст [15]. Топики, представленные в тексте социологии интернета, соотносятся с конечным числом различий. Интрадискурсивными для социологии интернета можно считать схемы "научной рациональности" и критики этой "рациональности". Именно "просвещенческие" и "контрпросвещенческие" схемы задают такие различия, как "свободный" и "контролируемый", "частный" и "публичный", "письменный" и "устный", "обман" и "доверие". Преобладание той или иной проблематики формирует тематическую структуру научной дисциплины. Порядок "внутренних различий" дисциплинарного дискурса социологии интернета содержит ряд оппозиций.

Виртуальное vs реальное. "Виртуальная реальность" — это одно из технологических оснований интернета, поэтому данное разделение рассматривается как вполне естественное. За описанием интернета как множества "виртуальных миров" неизбежно стоит независимое от "традиционных" дискурсов представление о "виртуальном"¹. Социология традиционно настаивает на выделении "социального" в качестве своего предмета, поэтому для нее важно различие "социального" и "несоциального". Делая опосредованные компьютером коммуникации предметом социологического исследования, мы вынуждены признавать их "социальность". При этом оказывается, что их "социальность" отличается от привычной, "реальной": в ней действуют специфические, не принятые в "реальном" обществе механизмы; виртуальные коммуникации происходят в специфической среде, и ее особенности накладывают отпечаток на их протекание [16; 17]. Императив особой виртуальной среды выводится из утопических идеалов адептов "виртуальных сообществ", которые проектируют и строят их как альтернативу существующему обществу, которая должна привести к "парадигмальному сдвигу" [18, р. 468] как проект "освобождения", "преодоления" ограниченности физического и социального пространства. Интернет представляется автономным образованием, коренным образом отличающимся от традиционных сообществ, особенно в свете утверждений о том, что "новые технологии будут продолжать изменять наши традиционные представления о пространстве и времени" [19]. Киберпространство онтологизируется как пространство *suí generis*, отделенное от реального мира. При таком понимании любую деятельность, связанную с виртуальными коммуникациями, можно трактовать как уход, или бегство, от реальности, что делает возможной аналогию с любым вариантом эскапистского поведения: в таком дискурсе

можно проблематизировать, например, интернет-аддикцию.

"Виртуальное" может соотноситься с "реальным" и исследоваться как: (1) значимое, важное для "реального"; (2) влияющее на "реальное"; (3) схожее с реальным, т. е. управляемое теми же законами, обладающее подобными характеристиками. Многие, в том числе академические работы об интернете, начинаются с более чем оптимистических утверждений о значимости информационных технологий в современном обществе: "современный интернет — выдающееся достижение технической мысли" [20, с. 4]. Такое оправдание интереса характерно больше для публицистического, нежели научного текста. Правда, к этому типу предикации тяготеют и "новые" направления научного знания, которым не хватает автономного, самореферентного оправдания. В этом случае апеллируют не к истории "разворачивания дискурса" — высказываниям предшественников и оппонентов, — а к самому изучаемому предмету.

Обоснование значимости изучения интернета его влиянием на общество, на "традиционные формы социальности" не мешает включать в дискурс сложные "научные" модели из "развитых", устоявшихся теорий общества. Социологический дискурс может конституироваться и как автономно-научный, и как апеллирующий к "внешнему". Например, исследователи указывают на сильное влияние виртуальной среды на способы коммуникации; рассматривают опосредованную компьютером коммуникацию в терминах более общих теорий действия и утверждают, что "компьютеры и информационные системы находят применение во все новых областях человеческой практики, оказывая воздействие на психические процессы и трансформируя не только отдельные действия, но и человеческую деятельность в целом" [21, с. 11], и что "применение компьютерных сетей ведет к структурным и функциональным изменениям психической деятельности человека" [22, с. 55].

Исследователи, которые пытаются "измерить" влияние информационных технологий на интегрированность общества и построить индексы "общности" и "балканизации" знания, ссылаются на социологические теории обмена, абстрактные сетевые модели и мало беспокоятся о "внешнем" оправдании предмета своего исследования [23, р. 2-31].

Самыми "сильными", по-видимому, будут высказывания о "реальности" или сходстве с "реальностью" виртуальных коммуникаций [24; 25], поддерживаемых риторическими стратегиями, интегрирующими социологию интернета в дискурсивный контекст социальных наук. Здесь требуется привлечение наиболее сложных методических схем, переопределение базовых социологических понятий, например, "сообщества" [26]. Хотя развитие виртуальных сообществ начиналось под знаком "разрушения социальных границ и освобождения индивидов от социальных влияний и группового давления, обесценивания статусной и властной дифференциации" [27, р. 689], появление этой "социальной формы" породило новые основания для дифференциации. Балканизация и первоначально неорганизованная фрагментация сети в дальнейшем могут привести к четкой и упорядоченной дифференциации [23].

Один из основных барьеров становления осмысленной дифференциации в интернете — язык. Пользователи, не владеющие английским языком, исключаются из большинства видов глобальной сетевой активности. Утверждения о том, что графическая природа виртуальной реальности и машинный онлайн-перевод в реальном времени позволит преодолеть языковые барьеры, отражают наивную веру во всемогущество технологий. Язык разделяет людей, и разделение выгодно носителям доминирующих языков². Если

интернет — это альтернативная реальность, то следует критически рассмотреть, кто создает эту реальность. Это касается не только доступа к информации в киберпространстве, но и возможности вводить и изменять данные и тем самым строить образы виртуального мира.

Классовые различия также могут оказаться не менее эффективным дифференцирующим признаком в сетевом пространстве, чем в "реальном" мире. Несмотря на заявления о равенстве в киберпространстве, доступ и необходимые навыки — все еще результат привилегированной классовой позиции: депривированных исключает не рука "злого тирана", а рынок. Кроме того, изучаются возрастная дифференциация и неравное положение инвалидов в интернете [28; 29]. Ожидания относительно ускоряющегося распространения информации и параллельной гомогенизации общества благодаря информационным технологиям основывались на предположении о том, что структура и культура общества останутся неизменными [26]. Даже абсолютная доступность информационных технологий не приведет к равенству между людьми. В теме стратификации используются разные варианты предикации, но основное внимание уделяется поиску стратификационных оснований в интернете, которые все более приближаются к реальным. Исследователи виртуальной стратификации, как и их коллеги, занятые структурой "реального" общества, часто исходят из критической традиции.

Письменное vs. устное. Различение "письменного" и "устного" тесно связано с различием "реального" и "виртуального", поскольку формы (и жанры) виртуальных коммуникаций определяются по аналогии с "письменными" и "устными" формами традиционной (социальной) коммуникации. Интернет описывается как отличное от "реального" пространство, в котором трансформируются принципы производства текстов / высказываний. Опираясь на это различие, исследователи обычно исходят из риторической стратегии дифференцирования. Возможен выбор между "эмпирическими" микросоциальными моделями коммуникации, специально разрабатываемыми для изучения виртуальных сообществ, и макроисторическими нарративными схемами, описывающими формы организации коммуникативного действия в интернете как "историческую формацию" вроде "способа производства текстов".

Исследователи выделяют две важнейшие характеристики "виртуальной среды": (1) сенсорную редуцированность (особенно в текстовых "средах") и (2) нелинейность, гибкую организацию, "гипертекстовость" сети. Сенсорная редуцированность описывается топиком "псевдоустной коммуникации". Виртуальные сообщества организуются вокруг онлайн-овых "публичных форумов", "агоров", таких как "комнаты" чатов или системы телеконференций. Г. Рейнгольд утверждает [30], что виртуальные виды деятельности изоморфны "реальным". Единственное существенное различие в том, что взаимодействие происходит через письменный, то есть отображенный на экране текст. Нелинейность представлена более абстрактным топиком. Авторы реже ссылаются на эмпирические данные и основывают свои нарративные, макроисторические рассуждения на готовых социально-философских концепциях: "печатание несомненно способствовало замене средневековой организации знания... Компьютерные технологии (текстовые редакторы, базы данных, электронные доски объявлений и электронная почта) начинают вытеснять печатные книги" [32, р. 2]. Гипертекст — основная форма "организации" виртуального пространства — описывается как децентрализация, подобие "ризомы" Делеза [33, р. 36–38], "революции"

[34, р. 6], как нечто, дающее неограниченную власть манипулировать символами, текстами и образами. Визуальные образы и звуки компьютерных приложений становятся элементами топик, так как пишущие интегрируют их в общую структуру дискурса и могут соотнести образы разных топиков [35, р. 113].

Свобода vs. контроль — третья важная оппозиция. Коммуникации, опосредованной компьютером, иногда приписывают власть разрушать социальные границы, освобождать индивидов от социальных влияний, группового давления, статусных и властных различий, которые непосредственно проявляются в общении "лицом-к-лицу" [24, р. 689]. Виртуальное сообщество описывается как пространство свободы, где контрактные отношения гарантируют равные возможности всем участникам взаимодействия. Такое понимание вполне объяснимо, поскольку исторически развитие интернета связано с развитием контркультуры, утопических и либеральных идеалов. Однако сами социальные и технологические условия возникновения виртуального сообщества определяют неравенство возможностей некоторых пользователей. В виртуальном сообществе сочетание развитых технических навыков работы на компьютере с высокой языковой / коммуникативной компетентностью (как предпосылка для создания и поддержания самого виртуального сообщества) встречаются у пользователей с высоким статусом и престижем. Провал "проекта реализации полной свободы" в "киберпространстве" был очевиден уже давно. В середине 1970-х гг. Розан Стоун писала: "Настала эпоха надзора и социального контроля в электронных виртуальных сообществах". В начале периода, названного одним из участников сообщества "кануном свободного выражения", появились технические средства, позволяющие системным администраторам отслеживать и подвергать цензуре "неприемлемые" послания [36, р. 107]. Если виртуальное сообщество проектируется как публичное пространство "свободного обсуждения", то может ли оно обойтись без институционального "обеспечения" этой свободы? Системный администратор в конференции Usenet и "mag" в MUD оказываются необходимыми для поддержания "свободы".

"Понимание" как необходимый элемента коммуникации основано на обеспечении более или менее "универсальных оснований дискурса". Для этого требуются ограничения в выборе топика, способов построения высказываний, что естественным образом ведет к формированию дополнительных форм контроля за высказываниями в "свободном обсуждении". Предположение о большей индивидуальной свободе и относительной анонимности в сети приводит к формулированию гипотез в терминах социально-психологической модели "эффектов деиндивидуализации социальной идентичности", что приводит к росту антинормативного поведения⁴.

Различение "свободы и контроля" позволяет строить как высокотeorетичные абстрактные схемы, так и прикладные модели. Различение оказывается значимым и в методологическом плане, поскольку имплицитно тему предсказуемости процессов виртуальных коммуникаций и возможности построения соответствующих аналитических моделей. По-видимому, определение виртуальных коммуникаций в терминах "неуправляемой свободы" исключает возможность разработки строгих, экспериментальных методик.

Публичное vs. частное. В исследованиях "виртуальных сообществ" часто рассматривается эффективность разных видов сетевой активности. Если в обществе существует противоречие между реализацией частных интересов и обеспечением общих

/ общественных условий, в которых они могут быть реализованы, то следует находить механизмы уравнивания публичного и частного. Отсюда возникает тема формирования институтов, систем действий по обеспечению "нормального" функционирования виртуальных сообществ⁵. Если виртуальные сообщества создавались в пику контрактным рыночным отношениям, то в них должны отсутствовать "нормальные" механизмы, посредством которых подобные проблемы решаются в "современном" обществе. Логичным выглядит обращение к антропологическим данным, в которых отсутствуют "современные" институты и предположение о том, что "хозяйство" виртуальных сообществ основывается на регламентированном "обмене дарами" [17, р. 221–226]. Регламентация "обмена дарами" и коммуникативного действия в виртуальном сообществе в целом производится опосредовано, через выделение позиций и ролей по урегулированию конфликтов и поддержанию "нормальной" коммуникации [37, р. 139–142]. Интернет рассматривается как пространство новых возможностей для развития не только публичной сферы, но и потребительского поведения [39, с. 146]. Тот факт, что многие "публичные блага", производимые в интернете, представляют собой цифровую информацию, означает их общедоступность и неисчерпаемость: обращение к информационным ресурсам одного пользователя ничуть не снижает ее доступность для других. С одной стороны, это вызывает беспокойство владельцев интеллектуальной собственности, с другой — стимулирует тех, кто заинтересован в создании "публичных благ" [16, р. 225]. Каждый день пользователи передают бесплатную информацию через электронную почту, списки рассылки, телеконференции и веб-сайты. Свободное распространение таких программных продуктов как 'Apache' и 'Linux' делает их более конкурентоспособными по отношению к программам, разрабатываемым на коммерческой основе [38].

Доверие vs. обман, или истинность / ложность сигналов. В общении "лицом-к-лицу" и по телефону доступными оказываются множество коммуникативных кодов, показывающих наши идентичность и намерения. Одежда, голос, осанка, жесты передают информацию о статусе, власти и групповой принадлежности. В онлайн-общении многие коды оказываются недоступными. Взамен им создаются "виртуальные персонажи", которые и являются "действующими лицами" в процессе коммуникации [40, р. 29–30]. Вследствие технологической ограниченности мы имеем дело с редуцированными сигналами, что оставляет место для "игры идентичностями". Какая идентичность создается в онлайн-сообществах — истинная или сконструированная, ложная? Обман дает определенные преимущества участнику игры, однако эти преимущества становятся значимыми, если хотя бы часть членов сообщества подают "честные" сигналы о своей идентичности. Если ложные сигналы подаются всеми участниками онлайн-общения, то они не несут реальной информации⁶.

В социологических работах, использующих различие доверие / обман, очень распространена метафора театра, которая позволяет переформулировать проблему истины и лжи в терминах саморепрезентации и "игры идентичностями".

"Саморепрезентация, таким образом, — наиболее значимый элемент для инициации опосредованного компьютером общения с другими людьми и для управления им" [41, с. 40]. По существу, конструируется новый объект исследования, в котором отсутствуют топика, привычные для исследований "реальности".

Интердискурсивный аспект в социологии интернета

Основной корпус публикаций об интернет выполнен в популярно-публицистическом

жанре. Едва ли не классикой считаются работы о виртуальных сообществах журналиста Г. Рейнгольда [30]. Теоретическим осмыслением современных коммуникационных и информационных технологий занимались философы, социальные критики [20], теоретики литературы, исследующие гипертекстовые структуры [42]. Позднее появились академические работы Б. Вэлмана, в которых рассматривается сетевая организация "онлайн-коммуникаций". Большая работа выполнена П. Коллоком, исследовавшим проблему конфликта частных интересов в киберпространстве и возможности создания "общественных благ". Т. Постмес, Р. Спирс и М. Ли проводили социально-психологические исследования онлайн-поведения. Р. Хэмман создал академический электронный журнал по социологии интернета⁷.

Многие исследователи интернета критикуют современное общество. Например, М. Кастельс в фундаментальной трилогии об "информационной эпохе" [43] трактует информационные технологии как инструмент "освобождения" маргинальных сообществ (особенно ярко это проявляется во втором томе о "власти идентичности"). С некоторыми оговорками можно утверждать, что в дискурсе социологии интернета преобладают идеологические схемы критики Просвещения и современности, эксплицирующие "скрытые" дискурсивные / идеологические структуры. Конструирование автономного дискурса, установление собственной терминологии и набора верований происходит за счет инкорпорирования и адаптации других дискурсов. М. Фуко термином "колонизация" обозначает установление гегемонии определенного видения мира. Именно этот процесс, правда, в локальном масштабе происходит с дискурсом социологического исследования интернета. Телекоммуникация опирается на компьютерные технологии, а социология интернета — на нетехнологический дискурс, колонизирующий образы и термины теории дизайна, искусства, коммуникации и даже философии. Исследователи заимствуют и деконструируют традиционные тропы — образы и риторические элементы, принятые в устоявшихся дискурсах.

На этапе становления дискурса интернета доминирует технологизированный язык, формирующийся под влиянием субкультуры киберпанка и профессиональных программистов. Возникновение интернета описывается как результат взаимодействия растущей "высокотехнологической промышленности" Силиконовой долины с социально-политическими идеями калифорнийской контркультуры. Построение новой компьютерной реальности оказывается новой формой технологической утопии. Опыт виртуальных коммуникаций сравнивается со зрительными образами, возникающими в измененном состоянии сознания [44, р. 71], и появляется тревога по поводу интернет-аддикции, особенно характерная для популярного и социально-психологического текстов.

На формирование социологического дискурса об интернете оказывают влияние и "государственные идеологии". Одну из наиболее распространенных метафор в описании виртуальных коммуникаций — "информационная суперавтострада" — ввел в оборот Альберт Гор. Эта метафора конкурирует с многими другими неологизмами, подчеркивающими различные аспекты сетевых технологий ("киберпространство", "сеть", "онлайн" и "паутина"), и с макросоциологическими образами прошлых десятилетий: "глобальная деревня" М. Маклюэна (1964), "эра информации" Т. Хелви (1972), "информационная революция" Д. Ламбертона (1974), "сетевая нация" С. Хилтца и М. Туроффа (1978), "информационное общество" Дж. Мартина и Д. Батлера (1981) [45]. Важный элемент дискурса — ссылки на художественную литературу, особенно в

топиках, связанных с различием письменное / устное. Цитируются современные литературные экспериментаторы (А. Роб-Грийе, М. Сапорт, М. Павич и Х. Кортасар); литературоведы, переключившие внимание с автора на читателя (Р. Барт, В. Изер и У. Эко); модернисты Дж. Джойс, В. Вульф и У. Фолкнер; нарративная эксцентрика Ф. Рабле, М. Сервантеса и Л. Штерна. Но ни одна метафора не превосходит по своей значимости появившийся в конце 1940-х гг. в сборнике рассказов Х.Л. Борхеса образ "сада расходящихся тропок" [46, р. 119]. Сильнейшее влияния на социологический дискурс об интернете оказал М. Маклюэн своим расширенным определением медиа и утопией "глобальной деревни", которая была едва ли не важнейшей вдохновляющей идеей в развитии компьютерных технологий [47; 48].

В социологии интернета явно конституируются "тесные отношения" с дискурсами политики, контркультуры, художественной литературы. В становящемся дисциплинарном корпусе литературы выделяются следующие "идеологически" маркеры: (1) ссылки на "эксплицитно идеологические" социально-философские, политические и художественные работы; (2) терминология критической теории ("эмансипация", "реификация", "киберкапитализм"), постмодернизма ("симулякры", "ризоматичность") и т. п.; (3) идеологическая ангажированность в проблематизации одного из полюсов "базовых различений". Одни авторы думают о том, как расширить возможности активного участия пользователей сети, другие, напротив, — о том, как навести больше порядка (оппозиция "свободы — контроля"); в оппозиции "частного — публичного" исследователи электронной коммерции ищут новые возможности для продвижения частных интересов, а внимание исследователей некоммерческих организаций в сети больше привлекают условия предоставления "общих благ" и удовлетворения "общих интересов".

Для формирования систематической модели артикуляции интердискурсивных элементов в социологическом исследовании интернета требуется выстроить "карту", показывающую соотношения между "маркерами" и определенными "идеологическими схемами". Тогда все эмпирически находимые ссылки можно будет разделить на "идеологически нейтральные" (например, на экспериментальные работы) и "идеологически окрашенные" (например, на пропросвещенческие и контрпросвещенческие).

Заключение

Формирование социологического дискурса о виртуальных коммуникациях предполагает признание некоторого корпуса терминов и достижение консенсуса об основных проблемах исследований. Дискурс становящейся дисциплины не может довольствоваться технической терминологией, ему требуется обращение к инструментам других дисциплин, исследующих интернет: теории литературы, политической теории, антропологии, исследований культуры, постструктурализма, истории и историографии, — а также к наиболее общим "идеологическим" представлениям об объекте, выходящим за узкодисциплинарные рамки. Социологический научный дискурс "колонирует" язык социальных утопий и "идеологических проектов" (в частности, остатков "Проекта Просвещения"), преобразует их метафорические структуры и способы формирования буквальных и образных значений.

1В то же время социология интернета не может быть совершенно независима от

социологического и, в целом, научного дискурса, что придает неоднозначность оппозиции "реального" и "виртуального".

2 Данное явление обычно описывается как "культурный империализм" в интернете. Даже в международных академических сетях отмечается доминирование пользователей из США [27].

3 В исследованиях многопользовательских сред (MUD), которые зачастую опираются на концепцию социальной обработки информации (Social Information Processing Perspective), описываются особенности вербального представления внеязыковых элементов коммуникации. Развитие экспрессивных возможностей опирается на "паралингвистическую вербализацию", эффективность которой определяется установкой на социабельность (дружелюбие) или скептицизмом по отношению к компьютерной коммуникации. Дружеское общение с помощью паралингвистических знаков, включаемых в тексты онлайн-обменов, успешнее развивается участниками, имеющими низкие показатели по шкале скептицизма [31].

4 Проведя вторичный анализ результатов исследований, Т. Постмес, Р. Спирс и М. Ли не обнаружили значимой связи между антинормативным поведением и деиндивидуализирующим влиянием относительной анонимности и отсутствия карательных институтов в компьютерной коммуникации. Однако переменная "ситуативной нормы" получила значительную объяснительную и предсказательную силу для повышенного уровня антинормативного поведения в сети по сравнению с "реальным" обществом [27, p. 697–698]. Поведение, нарушающее "универсальные" нормы, оказывается нормативным в специфической ситуации, и, следовательно, не является "свободным", случайным, не порождается только "частными интересами".

5 Здесь же можно обнаружить истоки таких тем, как "свобода слова", "свобода дискуссий", "свободная" публичная сфера в "киберпространстве". Они обслуживаются понятиями "киберполитика", "сетевые идеологии", "онлайн-активизм" и "электронная демократия".

6 Механизм поддержания баланса между "честными" и "ложными" сигналами раскрывается в работе Дж. Донат [40].

7 Имеется в виду электронный журнал по социологии виртуальных коммуникаций "Cybersociology Magazine" (<http://www.cybersociology.com>).

ЛИТЕРАТУРА

1. Mulkey M. *Sociology of science: A sociological pilgrimage*. Bloomington: Indiana University Press, 1991.
2. Гилберт Д.Н., Малкей М. *Открывая ящик Пандоры: Социологический анализ высказываний ученых* / Пер. с англ. М. Бланко; Вступ ст. В.П. Скулачева; Общ. ред. и послесл. А.Н. Шамина, Б.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1987.
3. Potter J. *Representing reality: Discourse, rhetoric, and social construction*. London: Sage Publications, 1997.
4. Knorr-Cetina K. *The manufacture of knowledge: An essay on the constructivist and contextual nature of science*. Oxford: Pergamon Press, 1981.
5. Bloor D. *Knowledge and social imagery*. Henley: Routledge; Boston: Kegan Paul, 1976.
6. Витгенштейн Л. *Философские исследования* // Витгенштейн Л. *Философские работы*. Ч. 1 / Пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. М.: Изд-во "Гнозис", 1994. С. 75–319.
7. Остин Дж. *Как совершать действия при помощи слов?* // Остин Дж. *Избранное* / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. М.: Идея-пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999.

С. 13–135.

8. Серль Д. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.
9. Goodrich P. Legal discourse: Studies in linguistics, rhetoric, and legal analysis. London: Macmillan, 1987.
10. Пеше М., Фукс К. Итоги и перспективы: по поводу автоматического анализа дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. С. 105–123.
11. Барт Р. Война языков // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Издательская группа "Прогресс", "Универс", 1994. С. 535–540.
12. Дейк Т.А. ван Макростратегии // Дейк Т.А. ван Язык, познание, коммуникация / Пер. под ред. В.И. Герасимова. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртене, 2000. С. 41–67.
13. Dijk T.A. van Introduction: The role of discourse analysis in society // Handbook of discourse analysis. Vol. 4. Discourse analysis in society / Ed. by T.A. Van Dijk. London: Academic Press, 1985. P. 1-8.
14. Dijk T.A. van Opinions and ideologies in editorials [online]. Date of access: June 25 2001. Available at URL: < <http://www.hum.eva.nl:80/~teun/editoria/htm> >.
15. Ducrot O. Slovenian lectures: Argumentative semantics / Ed. by Z. Zagar. Ljubljana: ISH, 1996.
16. Kollock P., Smith M.A. Communities in cyberspace: Introduction // Communities in cyberspace / Ed. by P. Kollock, M.A. Smith. New York: Routledge, 1999. P. 3-25.
17. Kollock P. The Economies of on-line cooperation: Gifts and public goods in cyberspace // Communities in cyberspace / Ed. by P. Kollock, M.A. Smith. London; New York: Routledge, 1999. P. 220-239.
18. Kang N., Choi J.H. Structural implications of the crossposting Nntwork of International News in cyberspace // Communication Research. Vol. 26. No. 4. August 1999. P. 454-481.
19. Nguyen D.T., Alexander J. The Coming of cyberspacetime and the end of the polity // Cultures of Internet: Virtual spaces, real histories, living bodies / Ed. by R. Shields. London: Sage, 1996. P. 99-124.
20. Войскунский А.Е. Гуманитарный Интернет // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 3–10.
21. Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е., Смылова О.В. Интернет: воздействие на личность // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 11–39.
22. Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е. Мотивация пользователей Интернета // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 55–76.
23. Alstynne M. van, Brynjolfsson E. Electronic communities: Global Village or cyberbalkans? [Online.] Date of access: June 25, 2001. Available at URL: < <http://web.mit.edu/marshall/www/papers/CyberBalkans.pdf> >.
24. Wellman B., Hampton K. Living networked on and offline // Contemporary Sociology: A Journal of Reviews. Vol. 28. No. 6. November 1999. P. 648-654.
25. Wellman B., Gulia M. Virtual communities as communities: Net-Surfers don't ride alone // Communities in cyberspace / Ed. by P. Kollock, M.A. Smith. London; New York: Routledge,

1999. P. 167-194.
26. Hamman R. Introduction to virtual communities research and cybersociology // *Cybersociology Magazine*. Issue 2 [online]. Date of access: June 25, 2001. Available at URL: < <http://www.cybersoc.com/magazine/s2intro.html>>.
27. Postmes T., Spears R., Lea M. Breaking or building social boundaries? SIDE-effects of computer-mediated communication // *Communication Research*. Vol. 25. No. 6. December 1998. P. 689-715.
28. Thomas R. Access and inequality // *Information technology and society: A reader* / Ed. by N. Heap, et al. London: Sage; Open University Press, 1995. P. 90-99.
29. Wright K. Computer-mediated social support, older adults, and coping // *Journal of Communication*. Vol. 50. No. 3. Summer, 2000. P. 100-118.
30. Rheingold H. *The virtual community: Homesteading on the electronic frontier*. Reading, MA: Addison-Wesley Publishing Co., 1993.
31. Utz S. Social information processing in MUDs: The development of friendships in virtual worlds // *Journal of Online Behavior*. Vol. 1. No. 1. 2000 [online]. Date of access: April 10, 2001. Available at URL: < <http://www.behavior.net/JOB/v1n1/utz.html>>.
32. Bolter J.D. *Writing space: The computer, hypertext, and the history of writing*. Hillsdale, N.J.: Erlbaum Associates 1991.
33. Landow G.P. *Hypertext 2.0: The convergence of contemporary critical theory and technology*. Baltimore; London: The John Hopkins University Press, 1997.
34. Landow G.P., Delany P. Hypertext, hypermedia and literary studies: The state of the art // *Hypermedia and literary studies* / Ed. by G.P. Landow, P. Delany. London: The MIT Press, 1995. P. 3-50.
35. Bolter J.D. Topographic writing: Hypertext and the electronic writing space // *Hypermedia and literary studies* / Ed. by G.P. Landow, P. Delany. London: The MIT Press, 1995. P. 105-118.
36. Reid E. Hierarchy and power: Social control in cyberspace // *Communities in cyberspace* / Ed. by P. Kollock, M.A. Smith. New York: Routledge, 1999. P. 107-133.
37. Smith A. D. Problems of conflict management in virtual communities // *Communities in cyberspace* / Ed. by P. Kollock, M.A. Smith. New York: Routledge, 1999. P. 134-163.
38. Barbrook R. The high-tech gift economy // *Cybersociology Magazine*. Issue 5 [online]. Date of access: June 25, 2001. Available at URL: < <http://www.cybersoc.com/magazine/5barbrook.html>>.
39. Войскунский А.Е., Бабанин Л.Н., Арестова О.Н. Социальная и демографическая динамика сообщества русскоязычных пользователей компьютерных сетей // *Гуманитарные исследования в Интернете* / Под ред. А.Е. Войскунского. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 141–191.
40. Donath J.S. Identity and deception in the virtual community // *Communities in cyberspace* / Ed. by P. Kollock, M.A. Smith. New York: Routledge, 1999. P. 29-59.
41. Фриндте В., Келер Т. Публичное конструирование "Я" в опосредованном компьютером общении // *Гуманитарные исследования в Интернете* / Под ред. А.Е. Войскунского. М.: Можайск–Терра, 2000. С. 40–54.
42. Greco D. Hypertext with consequences: Recovering a politics of hypertext [online]. Date of access: June 25, 2001. Available at URL: < <http://landow.stg.brown.edu/cpace/ht/greco7.htm>>.
43. Castells M. *The rise of the network society*. Oxford: Blackwell Publishers, 1996.
44. Hillis K. A geography of the eye: The technologies of virtual reality // *Cultures of Internet*:

- Virtual spaces, real histories, living bodies / Ed. by R. Shields. London: Sage, 1996. P. 70-98.
45. Beniger J.R. The control revolution: Technological and economic origins of the information society. London: Harvard University Press, 1986.
46. Moulthrop S. Reading from the map: Metonymy and metaphor in the fiction of "Forking Paths" // Hypermedia and literary studies / Ed. by G.P. Landow, P. Delany. London: The MIT Press, 1995. P. 119-132.
47. McLuhan M. The Gutenberg galaxy: The making of typographic man. Toronto: University of Toronto Press, 1965.
48. McLuhan M. Understanding media: The extensions of man. Cambridge: The MIT Press, 1994.